

После их ухода свёрнутое одеяло внезапно зашевелилось — оказалось, внутри был завернут юноша, белокожий, одетый лишь в тонкую прозрачную рубашу, с пылающими щеками. Он посмотрел на Сяо Ци и сказал:

— Молодой господин, меня зовут Пяо Пяо, я пришёл сегодня вечером, чтобы служить вам.

— Служить... — Сяо Ци задумчиво повертел глазами, разглядывая юношу в таком наряде. Неужели под «службой» подразумевается то самое, что и в мире смертных?

Лис, лежавший на одеяле, выразил на морде крайнее недоумение. Конечно, он знал, что этот юноша пришёл для ночного утешения. Неужели глупый цилинь и вправду думает, что тот пришёл просто служить? Ведь у этого «служения» есть особый смысл.

Чёрт, какое дело лису до того, что собирается делать цилинь? Почему он так нервничает? Лис отвернулся, делая вид, что ничего не видел.

К счастью, цилинь ещё сохранял благоразумие:

— Сегодня вечером мне не нужно, чтобы ты служил. Я хочу спать один, так будет спокойнее.

Пяо Пяо выразил разочарование:

— Неужели молодой господин изменился?

— Да, отныне я решил исправиться и начать новую жизнь, — серьёзно ответил цилинь.

Врёшь! — мысленно выругался Пяо Пяо. Он не верил, что Дунфан Цилянь, известный на всю округу своим похотливым нравом, сможет измениться. Если тот исправится, где же тогда Пяо Пяо будет зарабатывать?

С гневом накинув одеяло, он выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

— Этот человек, должно быть, один из тех «маленьких чиновников», о которых говорят в мире смертных, — заключил цилинь, не лишённый знаний.

— Всего лишь глупая забава смертных, — пренебрежительно бросил лис, хотя, не зная почему, в душе почувствовал облегчение, словно с него свалился камень.

— Жизнь смертных, хоть и сложна, имеет свои радости. Хотя мы живём дольше них, это не повод их презирать, — мягко сказал цилинь, снова укладываясь на кровать.

Повернувшись, он заметил амулет, висевший на столбе кровати.

— Эй, это амулет для защиты от зла. Но что-то в нём странное, — невольно произнёс он.

Лис, услышав это, поднял голову, взглянул на амулет и согласился:

— Действительно, что-то не так.

Цилинь продолжил:

— Если посмотреть на этот защитный амулет, его узоры отличаются от обычных.

С этими словами он приложил ладонь к амулету — и вдруг тело его качнулось, он ощутил, как часть духовной силы уходит в талисман.

Сюэ Янь, увидев это, быстро предупредил:

— Остановись! Это амулет, поглощающий духовную силу, его нельзя трогать!

Цилинь убрал руку:

— Эта местность имеет особый барьер, вероятно, связанный с этим амулетом. Но один такой амулет не может поглотить много силы. Думаю, здесь просто принято вешать амулеты на дома, и их совокупное действие создаёт внутри барьера странное силовое поле.

— В самом деле странно, но сейчас у меня нет лишнего времени разбираться в этом. В конце концов, это дело рук смертных, и меня это не касается, — сказал Сюэ Янь.

Да меня и не просили, — мысленно ответил ему цилинь.

Ночь прошла без происшествий. На следующий день цилинь, бодрый и отдохнувший, в сопровождении управляющего отправился представляться членам своей смертной семьи.

Оказалось, что нынешней главой семьи Дунфан Цилинь была его родная мать — госпожа Ли. Его отец, старый хозяин Дунфан, умер много лет назад. Кроме того, у него был младший брат, который уже обзавёлся семьёй и делом и постепенно принимал на себя управление семейным бизнесом. Звали его Дунфан Юйлун. Два года назад тот женился на женщине-воине из речного и озёрного мира, которая стала его женой и, соответственно, невесткой цилиня. Её звали Юньшан У. Говорили, она прославилась в мире боевых искусств своим мечом «Облачные одеяния», но ради Дунфан Юйлун решила стать примерной женой и матерью, покинув речной и озёрный мир и более не вмешиваясь в дела боевых искусств.

Когда цилинь пришёл навестить почтенную госпожу, Юйлун тоже привёл жену посмотреть на наконец-то вернувшегося старшего брата. В отличие от ленивого и распущенного Дунфан Цилиня, Юйлун оказался весьма деловитым и проницательным торговцем-интеллектуалом. Благодаря ему богатство семьи Дунфан только приумножилось. Его жена, Юньшан У, была женщиной с сильным, решительным характером. Хотя она теперь оставила боевые искусства и стала старшей невесткой, воинственный дух всё ещё читался в её взгляде, да и говорила она

прямо и открыто. Увидев Циляня, она сразу же сказала:

— Три года не виделись, старший брат, хоть и пришлось тебе немало вынести, но, глядя на тебя сейчас, скажу — выглядишь ты куда свежее прежнего, и духом бодр, словно заново родился!

Цилянь улыбнулся:

— Невестка, ты льстишь. Эти три года я прожил в том первобытном лесу в одиночестве, многое для себя прояснил. На многое из прошлого теперь смотрю иначе.

А Юйлун добавил:

— Если старший брат и вправду решил исправиться, то это великое благо и удача для нашей семьи Дунфан.

По его серьёзному выражению лица можно было понять, что смертный Дунфан Цилянь в прошлом был отнюдь не праведником, а скорее известным на всю округу гулякой и бабником.

Почтенная госпожа, взяв обоих сыновей за руки, воскликнула:

— Главное, что Цилянь вернулся! Юйлун, хватит говорить такие неприятные вещи! Твой старший брат только-только приехал, а ты уже поднимаешь такие темы! Ни слова больше! Давайте скорее устраивать пир в честь возвращения брата!

Видимо, почтенная госпожа была той самой матерью, что слепо баловала старшего сына, что и привело к его распутству. Позже, из разговоров других слуг, Цилянь узнал, что Юйлун был сыном наложницы, оттого и не пользовался особой любовью почтенной госпожи. Хотя сейчас всем домом Дунфан управлял именно Юйлун, почтенная госпожа всё равно смотрела на него косо и всем сердцем желала вернуть семейные дела в руки Циляня.

Цилянь, наблюдая за этими семейными раздорами, понял, что Дунфан Юйлун и вправду был человеком честным и прямым. Будь на его месте другой, получив такую несправедливость, он бы давно начал мстить. Но Юйлун не только не таил зла на почтенную госпожу за её пристрастие, но и по-прежнему проявлял к ней сыновнюю почтительность. Более того, он не воспользовался властью, чтобы притеснить некогда презиравшего его старшего брата, что говорило о его добром сердце.

Но, увы, такого хорошего человека небо не благословило. Его жена, Юньшан У, с тех пор как вошла в дом Дунфан, беременела пять раз, но каждый раз по разным причинам случался выкидыш, и до сих пор она не смогла подарить Юйлуну наследника. Вся семья переживала из-за этого, и пошли самые гнусные слухи — мол, невестка есть не что иное, как перерождение звезды Тяньлансин, что приносит несчастья мужу и детям. Почтенная госпожа, поверив клевете, даже собиралась прогнать эту добродетельную невестку. И хотя Юйлун изо всех сил старался её удержать, почтенная госпожа по-прежнему смотрела на сноху с неприязнью. Зато её никчёмный, промотавший состояние старший сын, Дунфан Цилянь, был ей милее всех на свете — чего бы он ни попросил, она всё давала. Эта предвзятость давно стала притчей во языцех во всей усадьбе.

Сейчас Юньшан У была беременна в шестой раз, и на этот раз Дунфан Юйлун был особенно осторожен, делая всё, чтобы сохранить ребёнка в утробе. После пяти месяцев, проведённых в тревоге и страхе, живот Юньшан У уже заметно округлился, и казалось, на этот раз дитя удастся сохранить. Но, к несчастью, трое суток назад некий гадатель, погадав ей, сказал, что этот ребёнок либо родится мёртвым, либо погубит мать. Эти слова глубоко опечалили супругов, и даже на семейном пиру, устроенном почтенной госпожой, они лишь изображали веселье, в то время как сердца их были полны боли. После пяти предыдущих выкидышей они были полны решимости выносить этого ребёнка, но зловещее пророчество гадалателя нависло над ними чёрной тучей.

Цилинь, заметив на пиру, что супруги выглядят подавленными, под видом шутки тихо спросил Юйлуна:

— Юйлун, что-то гложет тебя? Почему бы не поделиться со старшим братом? Я решил, что отныне буду исполнять долг старшего брата. Если у тебя есть заботы, можешь рассказать их мне! Подумай, в этом мире, когда почтенная госпожа отойдёт в мир иной, кроме нас с тобой, братьев, больше не на кого будет опереться, верно?

Юйлун, услышав это, почувствовал теплоту в сердце. Если отбросить гулящие привычки старшего брата, то он и вправду был его единственным родным братом. Не в силах скрыть печаль, он рассказал о событиях трёхдневной давности и со вздохом добавил:

— Хотя я и не всецело верю в гадания и прорицания, но... пережив столько горьких уроков, я просто потерял веру... Эх, старший брат, наверное, посмеёшься надо мной!

С этими словами он мрачно осушил бокал.

Его жена, обеспокоенно положив руку ему на плечо, взглянула на него с нежностью и грустью. Юйлун покачал головой, давая ей знак идти отдыхать.

Цилинь поспешно добавил:

— Невестка, постой, у меня есть что сказать. Уличные гадалки — это в основном обманщики, жаждущие денег. А я как-то встретил в горах одного старого даоса, который поведал мне об одном ином способе гадания. Вы можете послушать.

<http://bllate.org/book/15291/1349397>